Решение Маши.

Мама суетилась на кухне, а Маша и Тима сидели рядом. Маша, которой недавно исполнилось пять лет, залезла на табуретку и облокотившись на край стола, подпирала свои розовые щёчки так сильно, что её курносый носик завернулся больше обычного. Она внимательно рассматривала маму, иногда посматривая на братика, который в это время был увлечён сочной грушей. Четырёхлетний Тима съел почти половину, и был так занят, что совсем не обращал внимание на мякоть, которая обильно украшала рот и пухлые щёчки. А то, что Маша изредка бросает на него свои взгляды, похоже волновало Тиму меньше всего.

– Мама, а папа когда приедет?

Груша по-прежнему таяла руках мальчика, но услышав упоминание о папе, он всё же повернулся в сторону сестрички. Повернулась и мама. Похоже, что она в это время думала о своём и не расслышала вопроса.

– Что ты сказала?

– Папа скоро с работы приедет?

Мама посмотрела на часы и ответила:

– Скоро восемь. Обещал к восьми приехать. А почему ты спрашиваешь?

Но Маша, наверное, не хотела говорить обо всём сразу. Она опять покосилась на Тиму и попробовала равнодушно бросить:

– Да так, просто…

Маме, которая торопилась успеть приготовить ужин, этого ответа было достаточно, и она продолжила возиться с луком. А Маша, выждав минутку, бросила новый вопрос:

– Мама, а на стройку дома Молитвы папа часто будет ездить?

Теперь мама не стала отвлекаться, а продолжая нарезать салат, ответила:

– Ну… Его ответственным назначили. Если стройка будет раз в неделю, то и папа раз в неделю будет ездить. Если два, то два раза. А что?

Мама, будучи увлечённой работой, не так ожидала Машиного ответа, как Тима. Тот аж застыл с грушей во рту и внимательно следил, что ответит сестричка. Он не жевал и не моргал, а открыв широко глаза, смотрел на Машу. А та, пытаясь выглядеть равнодушной, принялась разглаживать складочки на юбочке, при этом раскачивая ножкой.

–Да так, просто спрашиваю…– ответила Маша, но теперь уже без паузы задала новый вопрос.

– А на кухне помощь сёстрам нужна будет?

Тима заморгал и опустил руку с грушей. Он смотрел то на маму, то на сестричку, словно человек, чувствующий какой-то подвох. Человек, который понимает, что где-то его хотят обойти, но где, ещё не ясно.

Мама же, засыпав в салатницу нарезанные овощи, повернулась к Маше и подбочинившись, разоблачила и разбила манёвры дочери одним высказыванием.

– Прежде чем помогать на кухне сёстрам, научись помогать мне. Какой от тебя там будет толк, если ты тут без дела сидишь?

Маша сразу перестала раскачивать ногами и разглаживать юбочку. А Тима снова потянул грушу ко рту, и его круглые щёчки довольно запрыгали.

Но тут Маша соскочила со стула и начала бегать вокруг мамы, выпрашивая работу. Мама довольно улыбнулась и попросила убрать очистки в пакет и выкинуть в мусорное ведро. Маша резво выполнила поручение и попросила второе, потом третье…

А Тима опять перестал жевать, удивлённо смотря на суетящуюся сестричку.

Спустя несколько минут, после выполненных поручений, Маша подошла к маме и, обняв её за ногу, жалобно пролепетала:

– Мамочка, миленькая, можно я с папой на стройку поеду. Ну, пожалуйста. Я могу помогать сёстрам на кухне. Правда могу.

Мама улыбнулась и присев посмотрела на дочь. – Если папа будет не против… Нужно у него спросить.

– Ура! Ура!

Маша запрыгала от восторга, подбежала к Тимофею, который сидел с открытым ртом и округлёнными глазами, и, схватив его за плечи, начала раскачиваться и на распев говорить:

– А я на-а-а стро-о-о-йку, в до-о-ом Молитвы поеду, я по-о-о-еду с па-а-апой!

Она бы возможно долго пела. Но тут Тима, скорее всего сообразив, где именно его обошли, выронил грушу и заревел. В свои четыре годика он говорил довольно плохо, но в рёве, который стоял на всю кухню, было явно слышно несогласие с привилегией, которую только что выпросила себе сестрёнка. Он был похож на человека, который оказался обманут и обворован и при этом чувствует полную беспомощность.

Мама подошла к Тиме, подняла грушу, вытерла ласково рот и щёки, обняла и поцеловала. Мальчик притих.

– Кстати, папа говорил, что планирует брать вас на стройку. Но он говорил, что будет брать сначала Тиму, а потом тебя, по очереди, – сказала мама, обращаясь то к Маше, то к заплаканному сынишке.

Сложно сказать, понимал ли Тима, как это по очереди, но утешение подействовало. Он совсем перестал хныкать, вытер мокрый нос и то, что появилось под носом, и с довольным видом стал пережёвывать остатки груши.

Маша всё это время стояла в стороне. Она растерянно смотрела то на маму, то на братишку, который уже окончательно успокоился. На лице девочки отчётливо было видно - она думает, пытается осмыслить решение мамы. Вдруг её глаза взорвались весёлым блеском. Маша подпрыгнула и вновь закричала: «Ура! Ура!» Потом она подбежала к братику, который замер и удивлённо захлопал глазами, словно боясь нового подвоха.

А Маша, весело покачивая головой, раскидывая косичками и смеясь, озвучила принятое решение:

– Тима, Тима, представляешь, мы теперь по очереди будем на стройку ездить. Сначала я, а потом мы с тобою.

А Тима, поглядывая то на маму, которая почему-то засмеялась в этот момент, то на улыбающуюся Машу, согласно кивнул и принялся доедать остаток груши.

Станислав Чуб.